

РУССКИЙ ЭКСПЕДИЦИОННЫЙ КОРПУС ВО ФРАНЦИИ

465

ФРАНЦИЯ И РОССИЯ: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Франко-русский союз, задуманный императором Александром III в 1892 г., к которому впоследствии присоединилась Великобритания (1904 г. и 1907 г.), привел к укреплению экономических, военных, дипломатических и культурных отношений. В ходе Первой мировой войны все эти аспекты нашли выражение в уникальной эпопее Русского экспедиционного корпуса, который в 1916 г. был отправлен воевать на французском фронте¹.

В 1915 г. масштаб потеря французской армии породил у властей Франции желание прибегнуть к «огромным резервам» России: сперва на Салоникском фронте, где они рассчитывали, что появление солдат в российской форме устрасит болгарские войска. Затем председатель Совета министров Аристид Бриан выдвинул предложение использовать царскую армию на французском фронте с целью подавить врага численным превосходством. В России это льстило некоторым политическим деятелям, которым нравилось верить в то, что союзники бессильны без России, и которые были рады любому случаю напомнить о жертвенности царской армии, брошенной в наступление в Восточной Пруссии всего через две недели после начала войны.

Александр ЗумПФ, доцент, преподаватель истории Университета Страсбурга, младший научный сотрудник Университетского института Франции (IUF), научный сотрудник Центра исследований по России, Кавказу и Центральной Европе (EHESS, CERCEC).

1. Jamie Cockfield, *With Snow on Their Boots. The Tragic Odyssey of the Russian Expeditionary Force in France During World War I*, St Martin Press, New York, 1999. Rémi Adam, *Histoire des soldats russes en France 1915-1920. Les damnés de la guerre* [История русских солдат во Франции 1915-1920 гг. Проклятые войной], L'Harmattan, Paris, 1996. Этой эпопее уделено чрезмерное внимание в редких воспоминаниях, оставленных русскими ветеранами Первой мировой войны. Вавилов Артур. *Записки солдата Вавилова*. Госиздат: Москва, 1927. Козлов А. *Проданные за снаряды*. Ленинград: Госиздат, 1931. Первый отчет был написан бывшим генералом, в изгнании посвятившим себя истории. Данилов Юрий. *Русские отряды на французском и македонском фронтах (1916-1918 гг.)*: Издание Союза офицеров участников войны на французском фронте. Париж, 1933.

Политическая воля оказалась сильнее вполне объяснимых колебаний командования. 15 декабря 1915 г. в Петрограде Поль Думер, председатель Военного комитета Сената Франции, добился от Николая II обещания отправить во Францию четыреста тысяч человек. Экспедиционный корпус должен был погрузиться на французские корабли, которые наконец доставили в Россию заказанные во Франции винтовки. Договор сопровождался рядом условий: Франция брала на себя общее финансирование и отвечала за успешное развертывание первого контингента, а сформированные единицы должны были находиться под командованием русских офицеров. Кроме того, солдаты должны были быть вооружены теми же винтовками, что и французская пехота (а не винтовками фирмы Лебель 1874 г., которые французы поставили русской армии).

Русский экспедиционный корпус состоял из четырех специальных бригад: 1-я и 3-я были отправлены во Францию, 2-я и 4-я были отправлены в Салоники на помощь сербской армии. 1-я бригада, сформированная в январе 1916 г., состояла из двух полков: первый был набран в Москве и состоял, главным образом, из рабочих; второй был набран в Самаре и Поволжье. Все офицеры были добровольцами и владели французским; солдаты были отобраны по их физическим качествам и уровню грамотности. 3-я бригада состояла из солдат действующей армии, включая некоторых ветеранов, воевавших в Маньчжурии в 1904-1905 гг. Набор производился как среди добровольцев, так и уже состоявших на службе. Большинство солдат не было в курсе того, что их ожидало.

По транссибирской железной дороге войска были переброшены в г. Дальний в Китае (современный Далянь), после чего началось их многодневное морское путешествие по чужим странам, в чужом климате и под чужим небом. 30 апреля 1916 г., изнуренные плаванием и под впечатлением от путешествия, пройдя Сайгон, Сингапур и Джибути, солдаты 1-й русской бригады высадились в Марселе, где их приветствовала восторженная толпа. Напряженность среди личного состава русских войск вылилась в расправу над командиром Краузе в лагере Эгалад под Марселем 15 августа 1916 г. Причиной убийства стали крайне тяжелые условия путешествия и ограничения по перемещению, установленные сразу по прибытии русских военных на французскую территорию.

Русские силы влились в регулярные части французской армии, получили французское снаряжение. У солдат появились военные «крестные»;

в течение мая и июня войска прошли подготовку в лагере Майи. С их прибытием война во Франции приобрела некий русский колорит. Вместе с 5-м полком во Францию прибыл полковой медведь по прозвищу Мишка; солдаты не упускали случая продемонстрировать русские пляски... Кроме того, прибывшие вступили в контакт с русскими революционерами, находившимися в изгнании во Франции. Тургеневская библиотека в Париже служила местом встречи во время увольнений, а также информационным центром благодаря изданию русскоязычной газеты «Русский солдат-гражданин во Франции». Период акклиматизации завершился 25 июня 1916 г., когда 1-я бригада в составе IV армии приняла участие в своем первом сражении в секторе Обрив. За этим последовали три с половиной месяца подряд на фронте в ожидании 3-й бригады, которая должна была сменить 1-ю. Бои и бомбардировки под фортом Помпель нанесли потери русским частям, несравнимые, однако, с потерями, понесенными в ходе наступления генерала Нивеля.

Февральская революция в России, битва при Шемен де Дам в апреле и подавление мятежа в лагере Ля-Куртин в середине сентября – все эти события 1917 г. перевернули и без того необычную судьбу русских добровольцев. Во время наступления Нивеля на севере г. Реймс 1-й и 2-й полки 1-й бригады дислоцировались на краю правого фланга. Под Сен-Тьерри русские войска должны были форсировать укрепленные немецкие позиции вокруг Бримонского форта. С противоположной стороны, с командной высоты Шофурского леса, за развитием наступления наблюдал художник Александр Зиновьев². Войска были брошены в атаку с шести часов утра 16 апреля 1917 г. Шел снег. Оба подразделения атаковали канал и после тяжелых боев взяли деревню Курси. Этот прорыв стал одной из редких успешных операций наступления Нивеля; однако фронт не удалось прорвать, так как германская армия удержала все остальные позиции. В этом оказавшемся бесполезным прорыве русские части потеряли 3 000 бойцов; 700 человек были убиты.

В силу географического отдаления революционная волна с запозданием достигла Экспедиционного корпуса. Солдаты восприняли новость с энтузиазмом, показавшим их неравнодушие к революционным событиям. Приказ

2. «Александр Зиновьев: театр войны», выставка истории Великой войны, Перонна, апрель-ноябрь 2017 г. Кураторы выставки: Александр Зумпф и Сесиль Пишон-Бонен.

№ 1 Совета рабочих и солдатских депутатов дошел до Франции лишь к 16 апреля, но информация была заранее распространена социалистическими активистами в изгнании, находившимися в контакте с расквартированными во Франции бригадами.

В рядах французской армии начали разгораться мятежи (к которым русские были не причастны)³. Были сформированы комитеты, направленные, в первую очередь, на поддержание военной дисциплины. Но это временное равновесие пошатнулось, когда русское командование и французские власти запретили любые собрания по поводу Первого мая. Солдаты решили последовать примеру своих товарищей, оставшихся на родине, и примкнули к революции.

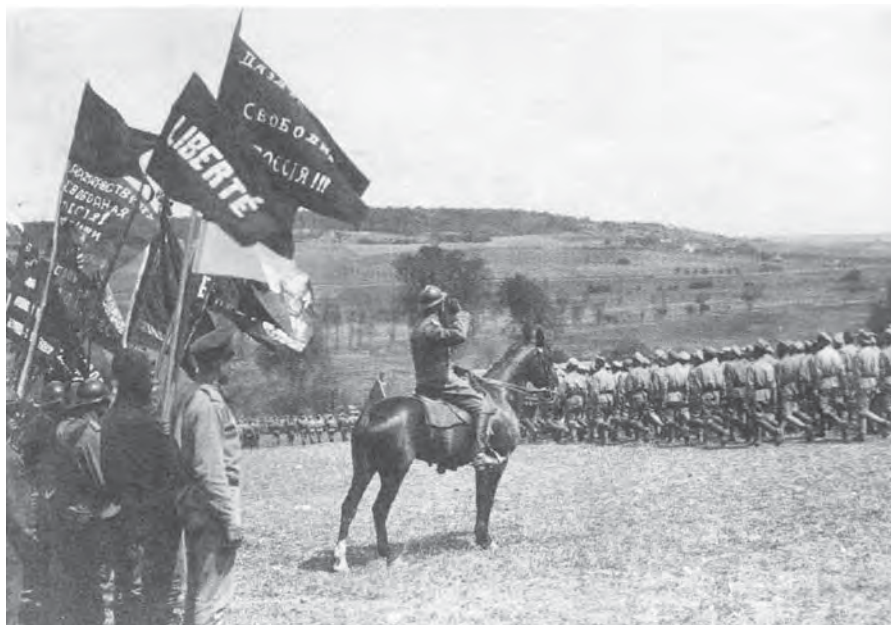
Ни французы, обеспокоенные результатом сражения при Шемен де Дам, ни русские офицеры, ни сам Керенский не имели желания давать волю анархическому разгулу, воцарившемуся в России. Французское командование приняло решение обезопасить фронт, изолировав солдат Русского корпуса от радикальных агитаторов. В итоге наименее дисциплинированную 1-ю бригаду расквартировали в лагере Ля-Куртин на плоскогорье Мильваш, в департаменте Крёз. Первые части прибыли в лагерь 26 июня 1917 г. Под влиянием младших офицеров, таких как Глоба и Балтайс, солдаты захватили власть, взяли под контроль управление лагерем и сблизились с местными крестьянами. Напротив, в лагере Феллетен, расположенном в нескольких километрах от Ля-Куртин, офицерам 3-й бригады удалось сохранить порядок.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬБИТЫ

Керенский, сперва дав согласие на возвращение Корпуса в Россию, впоследствии резко изменил свою позицию. Не желая давать этим «дурным» революционерам возможность усугубить и без того нестабильное положение в стране, он переложил на французов ответственность за урегулирование ситуации. Принятые ими в итоге жестокие меры по подавлению мятежа не имели ничего общего с терпением, к которому изначально

3. André Loez, 1914-1918. Les refus de la guerre [1914-1918. Отказники войны], Gallimard, Paris, 2010, p. 154.

РУССКИЕ СОЛДАТЫ-БУНТОВЩИКИ В ЛАГЕРЕ ЛЯ-КУРТИН ВЫКАЗЫВАЮТ СВОЮ ПОДДЕРЖКУ СОБЫТИЯМ В РОССИИ, ПОТЯСАЯ ЗНАМЕНАМИ НА ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

призывал генерал Комби⁴. Между 16 и 19 сентября 1917 г. 750 наиболее надежных солдат 3-й бригады, вооруженные шестью пушками 75-го калибра, под руководством французских военных советников выступили против своих товарищей. По официальным данным погибло 9 человек (на самом деле, скорее всего, несколько десятков), преимущественно в результате артиллерийских ударов, а не в рукопашном столкновении, хотя 18 сентября последний бастион был взят с боем.

Командование предложило солдатам Экспедиционного корпуса выбор: продолжать сражаться на французском фронте, принять участие в войне в составе специальных рабочих бригад или быть арестованными. В первую очередь решили вопрос «неисправимых», которые были преданы военному суду. 300 человек были заключены в лагерь Бург-Ластик, 249 – в лагерь на

4. André Poitevin, *La Mutinerie de La Courtine. Les régiments russes révoltés au centre de la France en 1917* [Мятеж в Ля-Куртине. Российские военные соединения, взбунтовавшиеся в центре Франции в 1917 г.], Payot, Paris, 1938.

острове Экс, и еще 300 остались дожидаться суда в Бордо. В декабре 1917 г. 250 солдат и офицеров объединились в Русский легион чести и продолжали сражаться на стороне Франции. Его численность впоследствии доходила до 1 600 человек личного состава. Осенью 1918 г. легион вместе с американскими войсками принимал участие во взятии Сен-Миэльского выступа.

Тринадцать или четырнадцать тысяч солдат, которые предпочли рабочие лагеря, оказались в положении, сравнимом с положением немецких военнопленных. Они получали 3 франка за восьмичасовой рабочий день и рацион, соответствовавший полуторному рациону военнослужащего. Французские учреждения и предприятия боролись между собой за квоты на эту рабочую силу, хотя она и не была неистощимой, – боролись, невзирая даже на участвовавшие нарушения дисциплины и снижение производительности, в особенности в подразделениях, работающих на строительстве дорог и заготовке леса. В дальнейшем к ним присоединились беглые военнопленные, которые начали появляться в начале 1915 г. Их количество внезапно достигло 33 тыс. человек, когда пленные воспользовались революцией, произошедшей в Германии 9 ноября 1918 г., чтобы перейти линию фронта. Некоторые русские хорошо приспособились к жизни во Франции, в особенности те, кто оказался на фермах. Часть из них даже женились на французенках, завели детей и подали через своих новых французских родственников ходатайство о разрешении остаться во Франции.

Наконец, на территории Франции находилась еще одна категория русских военных. Это раненые, которые среди первых начали распространять известие о произошедшей революции, формировать комитеты и отправлять на фронт нелегальную литературу. Их принимали в русские полевые госпитали, а затем переправляли в русские госпитали, находившиеся в городах: Париж, Ванв, Ренн, Сен-Севран, Канны, Йер и Ницца. В декабре 1917 г. насчитывалось 1 867 больных и раненых, 518 освобожденных от воинской повинности, 1 194 выздоравливающих и 106 инвалидов. За ними ухаживал русский медицинский персонал, как правило, из высшего общества, который, таким образом, служил одновременно России и Франции. Проблемы дисциплины, ссоры с французскими офицерами, а также политическая агитация создавали конфликты, которые нередко заканчивались забастовками и столкновениями.

В декабре 1917 г. началась депортация на каторгу в Алжир: были сосланы 4 338 человек из Франции и 5 044 человека из Салоников (где также был подавлен мятеж 2-й и 4-й бригады). Там солдаты оказались во французских каторжных лагерях, прозванных «бириби»: ужасные условия этих лагерей описаны некоторыми ветеранами в русском сборнике и мало чем отличаются от описаний Жоржа Дарьена⁵. Те же самые солдаты, которые бунтовали во Франции, в Алжире смирились, что говорит о тяжелейших условиях на каторге. Особенно ярким примером является Крейдерский лагерь, разбитый в пустыне, где 2 500 русских терпели жажду, жару, голод и жесточайший дисциплинарный режим. Эти солдаты, по сути, были лишены какого-либо статуса: они не являлись военнопленными, на них не распространялся какой-либо приговор военного суда, но они не подлежали и освобождению.

Возвращение бывшего состава Российского экспедиционного корпуса на родину вскоре стало политической проблемой. В контексте заключения мирного договора и одновременного разгара Гражданской войны в России двусторонние переговоры между большевистской Россией и Францией затянулись⁶. Возвращение из Алжира растянулось на 18 месяцев, до 3 октября 1920 г. Французская сторона отправляла этих солдат на территорию, находящуюся под контролем Белой армии, рассчитывая, что они будут сражаться против «красных». При этом французы забыли, что именно эти солдаты отказались воевать. В декабре 1918 г. французский флот переправил батальон из 600 солдат и 19 офицеров Корпуса на помощь Деникину. К концу ноября 1919 г. 1 200 человек (преимущественно офицеров) влились в ряды контрреволюционных сил на Юге и в Сибири, где к армии Колчака присоединился генерал Лохвицкий, бывший командующий Экспедиционным корпусом. Однако 4 января 1920 г. Деникин лично обратился к французским властям с просьбой не посылать ему больше мятежных русских солдат, которые нарушают порядок в Одессе или присоединяются к «зеленым» – крестьянам,

5. На чужбине. Сборник произведений русских воинов, 1914–1919. Москва-Ленинград: ГИЗ, 1927.

6. По этой теме см. кандидатскую работу Хацуки Тейт (Hazuki Tate): « Le Comité international de la Croix-Rouge et les autorités interalliées face aux rapatriements des prisonniers de guerre au lendemain de la Première Guerre mondiale (1918–1929) : les enjeux humanitaires et politiques autour d'une question internationale » [Международный Комитет Красного Креста, власти союзников и проблема возвращения военнопленных после Первой мировой войны (1918–1929): гуманитарные и политические аспекты, связанные с этим международным вопросом] (EHESS, научный руководитель: Жерар Нуариль (Gérard Noiriel).

восставшим против «белых» и «красных». Извилистый путь младшего офицера Родиона Малиновского, ставшего впоследствии маршалом и министром обороны СССР, который сначала числился в Легионе чести, затем дезертировал, а в России примкнул сначала к «белым», а затем к «красным», является хорошим примером того, что, оказавшись на родине, русские военные прежде всего стремились вернуться к мирной жизни⁷.

Несмотря на малочисленность Корпуса и его незначительную роль в военной мобилизационной риторике, советские киностудии, тем не менее, сняли о нем две ленты⁸. Оба фильма были посвящены командованию корпуса и, соответственно, осуждению тех офицеров, которые бежали из большевистской России после Гражданской войны, продались и предали свой народ. Фильм «Снайпер», который Анри Барбюс имел удовольствие посмотреть в Москве 28 сентября 1932 г.⁹, уделяет мало внимания странному пребыванию русских военных во Франции. Фильм «Обреченные», снятый в разгар пацифистского движения в Европе, так же, как и «Снайпер», не показывает русских солдат, сражающихся на французском фронте против немцев, и довольно странно сопоставляет ряд неожиданных эпизодов. Можно было предположить, что фильм уделит особенное внимание роли специального русского подразделения в битве при Шемен де Дам, последующему мятежу, подавлению восстания в лагере Ля-Куртин, общему отказу возвращаться в Россию сражаться в рядах деникинцев, зверской эксплуатации солдат со стороны французских колонистов. Но вместо этого показано, как сенегальские стрелки без кровопролития подавили мятеж, как мятежники похитили корабль, который должен был везти их на каторгу в Африку, и приплыли на нем в большевистскую Россию... Было сделано очень мало копий этого фильма, и память о нем не сохранилась, несмотря на то что в нем показано, как СССР силой завоевал себе место на европейской сцене, и поднята редко освещавшаяся тема – судьба русских военнопленных.

7. Малиновский Р. Солдаты России, Москва: Воениздат, 1969.

8. Обреченные: русские во Франции (Лев Пуш, Госкинопром Грузии, 1930). Снайпер (Семен Тимченко, Союзкино, Ленинград, 1931). На тему о Первой мировой войне в советском кино см.: Alexandre Sumpf, "The Great War in Soviet Interwar Films: How to Forget (or Not)", in Murray Frame, Boris Kolonitskii, Steven G. Marks and Melissa K. Stockdale, eds., Russian Culture in War and Revolution, 1914-22. Book 2: Political Culture, Slavica Publishers, Bloomington (IN), 2014, pp. 273-296.

9. Летопись российского кино. Т. 2. С. 185.